

Научная статья

УДК 1(091):130.3+141.22+141.32

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-113-132

Философия Ж. Валя как самостоятельное явление и как интерпретация философии Гегеля

Олег Александрович Лунев-Коробский

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

sickrrett@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7685-020X>

Аннотация

Статья посвящена осмыслению восприятия философии Ж. Валя в России. В центре внимания – понятие «несчастное сознание» «Феноменологии духа» Г. В. Ф. Гегеля и интерпретация данного понятия в философии Ж. Валя. Анализ русскоязычных исследований философии Ж. Валя позволяет выделить два основных направления работы с ней: в контексте «французского неогегельянства» и в контексте экзистенциализма. Показана необходимость пересмотра данных, закрепившихся представлений о его философии. В пользу этого сформулировано два аргумента: понятийный исодержательный. Согласно первому, ограничение философии Ж. Валя двумя вышеназванными контекстами сужает действительные горизонты его исследований. Согласно второму, в философии Ж. Валя «несчастное сознание» помимо трагически-религиозной интерпретации идей Гегеля содержит плюралистическую критику «монизма» Гегеля в составе собственного философского проекта «метафизического эмпиризма» Ж. Валя. Утверждается, что обращение ко всему корпусу работ Ж. Валя позволит создать более полное представление об истории французской философии XX века, в частности «французского неогегельянства» и франко-германских дискуссий касательно феноменологии и экзистенциализма.

Ключевые слова

Гегель, Жан Валь, «несчастное сознание», «Феноменология духа», «французское неогегельянство», экзистенциализм, «метафизический эмпиризм»

Для цитирования

Лунев-Коробский О. А. «Несчастье» философии Жана Валя // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 113–132. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-113-132

Philosophy of J. Wahl as an independent phenomenon and as an interpretation of Hegel's philosophy

Oleg A. Lunev-Korobskii

© Лунев-Коробский О. А., 2023

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russia

sickrett@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7685-020X>

Abstract

The article is aimed at comprehending the perception of J. Wahl's philosophy in Russia. The central role is assigned to the notion of "unhappy consciousness" in Hegel's "The Phenomenology of Spirit" and to the interpretation of this notion in J. Wahl's philosophy. The analysis of Russian-language studies dealing with his philosophy allows to outline two primary strands of engagement with it: within the framework of "French Neo-Hegelianism", and within the framework of existentialism. The need to renounce this established characteristic of his philosophy is shown. Two arguments are stated in favour of this, conceptual and substantial. As for the former, the restriction of J. Wahl's philosophy to the two aforementioned frameworks narrows the real horizons of his research. For the latter, the "unhappy consciousness" in J. Wahl's philosophy besides the tragic-religious interpretation of Hegel's ideas also contains pluralistic criticism of Hegel's "monism" as a part of J. Wahl's own philosophical project of "metaphysical empiricism". It is argued that treating the entire corpus of J. Wahl's writings will allow for a more thorough insight into the history of 20th century French philosophy, in particular "French Neo-Hegelianism" and the Franco-German debates concerning phenomenology and existentialism.

Keywords

Existentialism, French Hegelianism, Hegel, Jean Wahl, "The Phenomenology of Spirit", "unhappy consciousness", "metaphysical empiricism"

For citation

Lunev-Korobskii O. A. The "Unhappiness" of Jean Wahl's philosophy. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 113–132. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-113-132

*«Защитопанный чулок лучше,
чем разорванный»; не так с само-
сознанием¹.*

Жан Валь известен в русскоязычной литературе как автор интерпретации «Феноменологии духа» Гегеля и, соответственно, как один из представителей «французского неогегельянства». Основой понимания его философии выступает работа «Несчастное сознание в философии Гегеля». Она же – единственная из всего философского наследия Валь книга, переведённая на русский язык. Однако исследования последних лет, преимущественно на английском языке, показывают, что философия Валь представляет самостоятельную ценность, которая не ограничивается «французским неогегельянством».

Для определения особенностей восприятия философии Валь в России проведён анализ русскоязычных исследований и выделены два основных направления понимания его философии. В рамках *первого* направления философия Валь помещается в контекст «французского неогегельянства». В рамках *второго* направления его интерпретацию «несчастливого сознания» принято рассматривать в контексте основных тем экзистенциализма. Следует отметить, что большее внимание традиционно уделяется первому подходу: идеи Валь раскрываются через сравнение с другими представителями «французского неогегельянства»: Жаном Ипполитом, Александром Кожевом и Александром Койре.

¹ Гегель Г. В. Ф. Афоризмы // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 548.

Однако обращение к работе Валя о «несчастном сознании» с учётом прочих его работ позволило сформулировать два аргумента, *понятийный* и *содержательный*, в пользу уточнения характеристики его философии. Для формулировки данных аргументов проведена реконструкция основных философских результатов его книги «Несчастное сознание в философии Гегеля» с учётом идей, которые представлены в других сочинениях Валя. В частности, предлагается новая для русскоязычной литературы характеристика восприятия философии Гегеля в работах Валя. В свою очередь, это позволяет пересмотреть место и роль понятия «несчастливого сознания» в философии Валя.

Восприятие философии Жана Валя в русскоязычной литературе

Книга Валя «Несчастное сознание в философии Гегеля» была впервые опубликована в 1929 году и выдержала четыре переиздания на французском языке². Вышедшая книга привлекла внимание, последовали отклики и рецензии³. В частности, на её публикацию отозвался в журнале «Путь» Николай Бердяев⁴. Однако философия Валя надолго остаётся без внимания русскоязычных исследователей. Впервые её содержательный анализ осуществлён полвека спустя, в монографии В. Н. Кузнецова. Второй работой, которая обращается к его философии, стала монография И. С. Куриловича, вышедшая в свет в 2019 г.

В первой работе В. Н. Кузнецов помещает философию Валя в контекст «французского неогегельянства» наряду с идеями Ипполита и Кожева⁵. Валь пред-

² Wahl J. *Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel*. Rieder, 1929; [Wahl, 1951]; Wahl J. *Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel*. Monfort, 1983; Wahl J. *Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel*. Livres Numériques Divers, 2015. На русский язык книга была переведена в 2006 году. «Комментарий к одному отрывку из “Феноменологии духа” Гегеля», который входит во вторую часть книги, переведён на английский язык и вошёл в собрание избранных сочинений Валя (см.: Wahl J. *Commentary on a Passage from Hegel's Phenomenology of Spirit* // Schrifft A. D., Moore I. A. (eds.) *Wahl J. Transcendence and the Concrete: Selected Writings*. Fordham University Press, 2017. P. 54–89). Другие его работы также неоднократно издавались на английском языке (см.: Wahl J. *The Pluralist Philosophies of England & America*. The Open Court Company, 1925; Wahl J. *The Philosopher's Way*. Oxford University Press, 1948; Wahl J. *A Short History of Existentialism*. Philosophical Library, 1949; Wahl J. *Human Existence and Transcendence*. University of Notre Dame Press, 2016 и др.). Также существуют переводы трудов Валя на испанский и итальянский языки (см.: Wahl J. *Tratado de metafísica*. Fondo de Cultura Economica, 1960; Wahl J. *La logica de Hegel como fenomenologia*. Editorial La Pleyade, 1973; Wahl J. *Verlo in concreto: Studi di filosofia contemporanea*. William James, Whitehead, Gabriel Marcel. Mimesis, 2019).

³ См.: Koyré A. *Jean Wahl. Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel* // *Revue Philosophique de la France et de l'Étranger*. 1930. Т. 110. P. 136–143; Loewenberg J. *Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel by Jean Wahl* // *The Philosophical Review*. 1931. Vol. 40. № 5. P. 500–501; Wenke H., Wahl J. *Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel* // *Société Française de Philosophie, Bulletin*. 1931. № 36. P. 341.

⁴ См.: Бердяев Н. А. *Jean Wahl. Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel* // *Путь*. 1929. № 17. С. 104–107.

⁵ В 1982 г. Кузнецов не включает в этот список Койре, потому что он в большей мере известен как философ науки (см.: Длугач Т. Б. Александр Койре и новая историография науки // *Вестник СПбГУ*. 2022. Философия и конфликтология. Т. 38. Вып. 1. С. 4–18; Дроздова Д. Н. Место Александра Койре в историографии науки XX в. // *История философии*. 2015. Т. 20. С. 253–273; Койре А. *Очерки истории философской мысли: О влиянии философских концепций на развитие научных теорий*. М., 1985; Койре А. *От замкнутого мира к бесконечной вселенной*. М., 2001; Койре А. *Этюды о Галилее*. М., 2022;

ставлен участником «влиятельного течения французской буржуазной философии» конца 1920-х – середины 1970-х годов [Кузнецов, 1982, с. 15]. Само течение связывается с «немецким (и, возможно, русским) неогегельянством, кьеркегоровским (а затем и хайдеггеровским) экзистенциализмом и гуссерлевской феноменологией» [Там же, с. 12]. Философия Валя обозначается как «трагическо-религиозная» версия «гегелизма» или «неогегельянства» [Там же, с. 18, 21, 50].

Во второй работе автор, И. С. Курилович, также рассматривает философию Валя как вариант «французского неогегельянства». Он выделяет общие черты философии Валя, Ипполита, Кожева и Койре: повышенный интерес к «Феноменологии духа» и «феноменологической философии Гуссерля и Хайдеггера», «увеличение значимости субъективности», «поиск нерациональных оснований» и «антропологизация» философии Гегеля⁶ [Курилович, 2019, с. 16, 19]. Всё вышперечисленное, по мнению автора, свидетельствует о том, что «единство французского неогегельянства и перечисленных выше тенденций состоит в поиске мистико-интуитивных оснований опыта сознания в философии Гегеля» [Там же, с. 19].

На основе материала, изложенного как в первой, так и во второй работе по «французскому неогегельянству», сформировалось два направления понимания философии Валя: *первое* акцентирует его интерпретацию философии Гегеля, а *второе* – роль Валя во французском экзистенциализме.

В соответствии с первым направлением работа Валя «Несчастное сознание в философии Гегеля» определяется как специфическая интерпретация «Феноменологии духа» с акцентом на иррационализме и субъективизме. Её роль во «французском неогегельянстве» признаётся второстепенной: в качестве источника влияния, который привлёк внимание более значимых авторов (Ипполита и Кожева) к «Феноменологии духа» Гегеля. И они разработали уже более зрелые и ценные варианты обработки идей Гегеля⁷.

В рамках *второго* направления книга Валя о «несчастном сознании» рассматривается в контексте становления экзистенциализма во Франции. В связи с этим подчёркивается преемственность, идущая к нему главным образом от Кьеркегора⁸. Указание на эту преемственность с краткими характеристиками философского проекта Валя подразумевает признание его интерпретации вторичной, а его философии – не заслуживающей отдельного внимания⁹.

Кун Т. Структура научных революций. М., 2003. С. 14, 26. Впоследствии работы Руткевича, Куриловича и других продемонстрировали, что без Койре картина трансформаций французских прочтений философии Гегеля была бы не полной (см.: [Курилович, 2019. С. 15–16, 123–125]; Руткевич А. М. Немецкая философия во Франции: Койре о Гегеле // История философии. 2001. № 8. С. 3–28).

⁶ См. также: Быстров В. Ю. Французское неогегельянство и проблемы европейской интеграции // Россия в глобальном мире. 2016. № 8(31). С. 450.

⁷ Согласно общепринятому мнению, наиболее влиятельным «французским неогегельянцем» является Кожев (см., например: Adkins B. Hegel and French post-structuralism // Baur M. (ed.) G. W. F. Hegel: Key Concepts. Routledge, 2015. P. 222–223; [Курилович, 2019. С. 125, 171–173]).

⁸ При этом практически не упоминается роль Валя как популяризатора философии Кьеркегора и автора одного из первых исчерпывающих исследований по этой теме во Франции (см.: [Wahl, 1938]).

⁹ См.: Курилович И. С. Интерпретации «опыта сознания» во французском неогегельянстве. Статья первая. Жан Валь и Александр Койре // Вестник РГГУ. 2014. № 10(132). С. 29–30, 34–35.

В результате русскоязычное восприятие философии Валя определяется следующими характеристиками. *Во-первых*, Валь актуален именно в контексте «французского неогегельянства». Его интерпретация «Феноменологии духа» – это попытка по-новому, в свете идей Гуссерля и Хайдеггера, работать с наследием Гегеля. Иные работы Валя практически не рассматриваются. Содержательная роль Валя как философа, разрабатывающего собственные идеи, не детализируется. *Во-вторых*, интерпретация понятия «несчастливого сознания» позиционируется как ключевой результат философских исканий Валя и рассматривается в качестве вторичной и зависимой от идей других философов¹⁰. Важно обратить внимание на следующее: Валь как интерпретатор «Феноменологии духа» и Валь как представитель экзистенциализма не получают осмысления в качестве единого целого. Как следствие, Валь предстаёт фигурой второго порядка, а его идеи представляют интерес только для узкого круга исследователей «французского неогегельянства». Такая оценка во многом обусловлена отсутствием переводов на русский язык его трудов, с одной стороны. С другой, сложившееся восприятие философии Валя как вторичной и несамостоятельной, приводит к отсутствию интереса к его философии, и, следовательно, стремления переводить его работы.

Несчастное сознание в «Феноменологии духа»

Прежде чем обратиться к идеям Валя о «несчастном сознании» в свете иных его работ, целесообразно охарактеризовать содержание и роль этого понятия в работе Гегеля¹¹.

В «Феноменологии духа» раздел под названием «Несчастное сознание. (Благочестивый субъективизм)» [Das unglückliche Bewußtsein] располагается во втором разделе, «Самосознание» [Selbstbewußtsein], во второй части четвёртой главы, «Истина достоверности себя самого» [Die Wahrheit der Gewißheit seiner selbst], в последнем из трёх пунктов, объединённых заголовком «Свобода самосознания; стоицизм, скептицизм и несчастное сознание» [Freiheit des Selbstbewußtsein; Stoizismus, Skeptizismus, und das unglückliche Bewußtsein]. Этот раздел занимает незначительный объём книги¹², но расположен в важной части труда, структуру которого Гегель тщательно прорабатывал.

По Гегелю, стоицизм – это «свобода самосознания», сознание как свободная и чистая «мыслящая сущность»¹³ [Гегель, 2000, с. 105]. В то же время это – лишь

¹⁰ Акцентуация «несчастливого сознания» в философии Гегеля не является открытием интерпретации Валя, что, конечно же, известно самому Валью (см.: [Валь, 2006, с. 27]).

¹¹ Один из смысловых центров книги Валя посвящён последовательному комментированию фрагментов о «несчастном сознании» из «Феноменологии духа» (см.: [Валь, 2006, с. 188–243]).

¹² 1,8–2,4 % от всего объёма текста «Феноменологии духа» (в зависимости от различных изданий и переводов на английском, немецком, русском и французском языках).

¹³ «Это свобода самосознания [Freiheit des Selbstbewußtsein], когда она выступила в истории духа как сознающее себя явление [Erscheinung in der Geschichte des Geistes], была названа, как известно, *стоицизмом*. Его принцип состоит в том, что сознание есть мыслящая сущность [Bewußtsein denkendes Wesen] <...>» [105(157)]. Здесь и далее в круглых скобках приводится номер страницы «Феноменологии духа» по следующему изданию на языке оригинала: [Hegel, 1989].

абстракция, «понятие свободы, а не сама живая свобода», «мыслящее сознание в том виде, как оно определилось в качестве абстрактной свободы», «чистая форма равенства мышления»¹⁴ [Там же, с. 106–107]. Истина стоицизма заключена в косной разумности, бессодержательной негации.

Скептицизм, следующий за стоицизмом, есть пространство реализации понятия свободы, которое было достигнуто в стоицизме¹⁵. Скептицизм «показывает диалектическое движение, которое есть чувственная достоверность, восприятие и рассудок»¹⁶ [Там же, с. 108]. То есть если стоицизм был «замершим» понятием, то скептицизм представляет собой субъективную атараксию сознания как «абсолютного диалектического непокоя»¹⁷ [Там же, с. 108–109].

Свободное в своей неподвижности понятие сменяется стихийным мышлением, в котором эта свобода обретает иное качество. Скептическое сознание безостановочно мыслит, поскольку мыслимое оно считает несущественным, и тут же сменяет его следующим мыслимым¹⁸. Так в скептицизме сознание узнаёт себя как противоречивое внутри себя самого¹⁹. То есть понятие свободы стоицизма

¹⁴ «Свобода мысли [Freiheit im Gedanken] имеет лишь чистую мысль [reinen Gedanken] в качестве своей истины [Wahrheit], которая лишена жизненного наполнения [Erfüllung des Lebens]; следовательно, эта свобода есть также лишь понятие свободы [Begriff der Freiheit], а не сама живая свобода [lebendige Freiheit selbst] <...>» [106(158)]. «Но это равенство мышления себе самому [Sichselbstgleichheit des Denkens] опять-таки есть только чистая форма [reine Form], в которой ничего не определяется <...>» [107(158–159)]. «Это мыслящее сознание [denkende Bewußtsein] в том виде, как оно определилось в качестве абстрактной свободы [abstrakte Freiheit], есть, следовательно, лишь не доведённая до конца негация инобытия [unvollendete Negation des Andersseins] <...>» [107(159)].

¹⁵ «Скептицизм есть реализация [Realisierung] того, чего стоицизм есть только понятие [Begriff], и действительный опыт [Erfahrung] того, что такое свобода мысли [Freiheit des Gedankens] <...>» [107(159)].

¹⁶ «Скептицизм показывает диалектическое движение [dialektische Bewegung], которое есть чувственная достоверность, восприятие и рассудок [sinnliche Gewißheit, die Wahrnehmung und der Verstand] <...>» [108(160)].

¹⁷ «<...> [O]но есть для себя эта атараксия мышления о самом себе [Ataraxie des Sich-selbstdenkens], неизменная и подлинная достоверность себя самого [unwandelbare und wahrhafte Gewißheit seiner selbst]. <...> [A] само сознание есть абсолютный диалектический непокой [absolute dialektische Unruhe]. <...> [E]сть лишь просто случайный хаос [eine schlechthin zufällige Verwirrung], головокружительное движение [Schwindel] беспрестанно себя порождающего беспорядка [Unordnung]. Оно есть этот хаос для самого себя [E]s ist dies für sich selbst, ибо оно само поддерживает [erhält] и производит [bringt] этот движущийся хаос. Вот почему оно в этом и сознаётся, оно сознаётся, что оно есть совершенно случайное [zufälliges], единичное [einzelnes] сознание, – сознание эмпирическое [empirisch], ориентирующееся на то, что <...> не имеет для него истины [was ihm keine Wahrheit hat]» [108–109(161)].

¹⁸ «Оно предоставляет несущественному содержанию [unwesentlichen Inhalt] исчезать в его мышлении [Denken], но именно этим оно есть сознание несущественного [Bewußtsein eines Unwesentlichen]; оно провозглашает абсолютное исчезновение [absolute Verschwinden], но это провозглашение есть и это сознание есть провозглашённое исчезновение [ausgesprochene Verschwinden]: оно провозглашает ничтожество видения, слышания [Nichtigkeit des Sehens, Hörens] и т. д., а само оно видит, слышит и т. д.; оно провозглашает ничтожество нравственных существностей [Nichtigkeit der sittlichen Wesenheiten] – и в то же время само подчиняет свои поступки их власти. Его действия [Tun] и его слова [Worte] находятся всегда в противоречии друг с другом [widersprechen sich immer] <...>» [109(162)].

¹⁹ «В скептицизме сознание на опыте узнаёт себя поистине как сознание, противоречивое внутри себя самого [ein in sich selbst widersprechendes Bewußtsein]; <...>» [110(163)].

реализуется в скептицизме, но при этом самосознание удваивает себя²⁰. Эта двойственность в одном и есть несчастное сознание²¹ [das unglückliche Bewußtsein].

Вслед за этим Гегель описывает диалектику несчастного сознания и неизменного, то есть абсолютного духа. Сначала, осознавая свою для себя противоположность абстрактному неизменному, несчастное сознание предстаёт как «переменчивое [wandelbar] сознание»²² [Там же, с. 110].

Затем, считая себя формой неизменного, сознание открывает диалектическое движение единичного и неизменного, наличие в неизменном единичного. То есть открывает себя одновременно как неизменное и как единичное, но всё ещё раздвоенное. Это его открытие имеет уже не форму абстракции, но ещё и не форму понятия, а форму опыта сознания²³. Вследствие этого неизменное, став не абстрактным, а внешним как источником соответствующего опыта для сознания, оказывается от него ещё более удалённым. В то же время неизменное считается сознанием, уверившимся в том, что оно есть то же неизменное единичное, приблизившимся к нему. Раздвоенность сознания, которая проявилась в скептицизме, здесь усугубляется, распространяясь и на само неизменное, каким оно дано сознанию²⁴.

И, наконец, сознание как действительное соединяется с неизменным. Движение этого соединения предстаёт как чистое сознание [reines Bewußtsein], как единичная сущность [unwandelbaren Wesen] и как сознание своего для себя бытия [Gestalt der Einzelheit wie es selbst ist].

В качестве чистого сознания оно есть «соприкосновение [Berührung]», «единство чистого мышления и единичности», которое «относится к своему предмету,

²⁰ «В стоицизме самосознание есть простая свобода самого себя [einfache Freiheit seiner selbst]; в скептицизме эта свобода реализуется [realisiert sie sich], уничтожает другую сторону определённого наличного бытия [vernichtet die andere Seite des bestimmten Daseins], но, напротив, удваивает себя [verdoppelt sich], и есть для себя теперь нечто двойное [ein Zweifaches]» [110(163)].

²¹ «<...> [H] несчастное сознание [das unglückliche Bewußtsein] есть сознание себя как двойной, лишь противоречивой сущности [gedoppelten, nur widersprechenden Wesens] <...>. Это несчастное, раздвоенное внутри себя [unglückliche, in sich entzweite] сознание – так как это противоречие [Widerspruch] его сущности есть для себя одно сознание – всегда должно, следовательно, в одном сознании иметь и другое, и, таким образом, тотчас же как только оно возмнит, что оно достигло победы [Siege] и покоя единства [Ruhe der Einheit], оно из каждого сознания должно быть снова изгнано» [110(163)].

²² «<...> [H]а первых порах оно есть только непосредственное единство обоих [unmittelbare Einheit], но оба для него – не одно и то же, а противоположны <...>. Оба для него – чуждые друг другу сущности; само оно, будучи сознанием этого противоречия [Bewußtsein dieses Widerspruchs], становится на сторону переменчивого сознания [Seite des wandelbaren Bewußtseins] и есть для себя несущественное [Unwesentliche]; но как сознание неизменности [Unwandelbarkeit] или простой сущности оно должно в то же время стремиться освободить себя от несущественного, т. е. от себя самого» [110(164)].

²³ «<...> [B] этом движении [Bewegung] сознание испытывает именно выступление единичности на неизменном, а неизменного – на единичности [Hervortreten der Einzelheit am Unwandelbaren, und des Unwandelbaren an der Einzelheit]. Для сознания открывается единичность вообще в неизменной сущности, а вместе с тем открывается и его единичность в нём <...>. То, что здесь выступает как модус и отношение неизменного, оказалось опытом [Erfahrung], который раздвоенное самосознание совершает в своём несчастье [Unglücke]» [111–112(165)].

²⁴ «<...> [C]ознание, наконец, находит себя в нём [daß es sich endlich in ihm findet] <...>, всё же другая сторона [Teil] этого единства [Einheit], как ему кажется, принадлежит неизменному [Unwandelbaren] <...>, а противоположность [Gegensatz] остаётся в самом этом единстве. На деле благодаря тому, что неизменное приобретает внешний облик [Gestaltung] момент потустороннего [Moment des Jenseits] не только остался, но ещё больше укрепился; <...>» [112(166)].

не мысля <...> и есть благоговение [Andacht]»²⁵ [Там же, с. 113–114]. Затем, преобразовав свою разорванность в благоговение, несчастное сознание «находит себя только вожделеющим или работающим», ещё не сознавая, что вожделеет оно самое себя как единичную сущность²⁶ [Там же, с. 115]. Действование благочестивого сознания снимает разорванную действительность, а неизменное «оставляет свой образ и предоставляет его сознанию для потребления», так что две крайности, действительность и действование, сходятся²⁷ [Там же, с. 115–116]. В результате неизменное «отрекается от своей формы», а действующее благоговейное единичное сознание воздаёт неизменному «благодарность» и тем самым также отрекается от себя в пользу неизменного как подлинного субъекта действия²⁸ [Там же, с. 116].

Сознание, миновав отношение к неизменному как к понятию сознания, как к настроению, затем, узнав в неизменном самое себя на опыте, открывает для себя, что его реальность для него ничтожна, а значит, ничтожно и его действование²⁹. Приблизившись к разрешению кризиса, дух обесценивает себя

²⁵ «Оно [несчастное сознание] <...> занимает то среднее место [Mitte], где абстрактное мышление соприкасается с единичностью [Einzelheit] сознания как единичностью. Оно само есть это соприкосновение [Berührung]; оно есть единство чистого мышления и единичности <...> [М]ы рассматриваем его как чистое сознание, оно относится к своему предмету, не мысля, а <...> оно, так сказать, только устремляется к мышлению [nur an das Denken hin] и есть благоговение [Andacht]» [113–114(168)].

²⁶ «Оно есть чистое настроение [reine Gemüt], которое есть для нас или в себе, себя нашло и насыщено внутри себя <...>, в себе это чувство есть чувствование себя [Selbstgefühl] <...>. Но несчастное сознание находит себя только вожделеющим [begehrend] и работающим [arbeitend]; для него ещё не очевидно, что в основе того, что оно находит себя таковым, лежит внутренняя достоверность его [innre Gewißheit seiner selbst zum Grunde liegt] и что его чувство сущности есть это чувствование себя [sein Gefühl des Wesens dies Selbstgefühl ist]» [115(170)].

²⁷ «Действительность [Wirklichkeit], на которую направлены вожделение [Begierde] и труд [Arbeit], уже не есть для этого сознания нечто в себе ничтожное [an sich Nichtiges], подлежащее с его стороны лишь снятию [Aufzuhebendes] и поглощению [Verzehrendes], а есть нечто такое, как оно само, – разорванная действительность [entzweigebrochene Wirklichkeit], которая ничтожна в себе лишь с одной стороны, а с другой стороны есть также освящённый мир [geheiligte Welt]; <...>» [115(170–171)]. «<...> [Н]еизменное само оставляет [preisgibt] свой образ и предоставляет его сознанию для потребления [zum Genusse überläßt]. – Сознание, с своей стороны, равным образом [gleichfalls] <...>, разрывается на отношение к действительности [Verhältnis zur Wirklichkeit] или для-себя-бытие [Fürsich-sein] и на в-себе-бытие [An-sich-sein]. Это отношение к действительности есть процесс изменения [Verändern] или действование [Tun], для-себя-бытие, которое принадлежит единичному [einzelnen] сознанию как таковому. Но здесь оно есть также и в себе <...>. В своём действовании [Tun] сознание поэтому прежде всего находится в отношении двух крайностей [zweier Extreme] <...>» [116(171)].

²⁸ «За то, что неизменное сознание отрекается от своей формы и оставляет её [seine Gestalt Verzicht tut und sie preisgibt], а единичное сознание, напротив, воздаёт благодарностью (dankt), т. е. отказывает [versagt] себе в удовлетворении сознания своей самостоятельности [Selbstständigkeit] и, слагая с себя, передаёт сущность действия потустороннему, – благодаря обоим этим моментам взаимного отказа [gegenseitigen Sichß-aufgebens] от себя обеих частей возникает, конечно, тем самым для сознания его единство [Einheit] с неизменным» [116(172)].

²⁹ «В первом отношении оно [сознание] было только понятием [Begriff] действительного сознания или внутренним настроением [innere Gemüt], которое в действовании [Tun] и потреблении [Genusse] ещё не действительно; второе отношение есть это претворение в действительность [Verwirklichung] как внешне выраженное действование и потребление; но возвратившись из этого отношения, оно оказывается таким, которое на опыте [erfahren] узнаёт себя действительным и действующим сознанием, или таким, для которого истинно то, что оно есть в себе и для себя [es wahr ist, an und für sich zu sein]» [117(173)].

как сознание, потому что оно не является неизменным, к которому приблизилось, и обесценивает себя как неизменное, потому что оно открылось себе как единичное сознание³⁰. Отрекаясь от своих поступков, от своего труда, от себя как истины собственной самостоятельности, наконец, от своих наслаждений, оно «умерщвляет» себя из чувства вины. Тем самым, снимая себя, оно снимает и своё несчастье, опосредствует негативное движение уничтожения своей единичности и приходит к умозаключению. Вследствие чего ему открывается абсолютность его собственной реальности в форме представления о разуме³¹.

Несчастное сознание завершает описание диалектики развития самосознания как первого действительно исторического этапа развития духа, как стадии растворения объекта в духе и переход к появлению разума [Vernunft]³². Разум – это ступень развития уже абсолютного субъекта, то есть истинного формообра-

³⁰ «Что касается прежде всего противоположного отношения сознания, в котором его *реальность* для него непосредственно есть «ничтожное» [worin ihm seine Realität unmittelbar das Nichtige ist], то его действительное действие, стало быть, превращается в действие, исходящее от «ничто» [Tun von Nichts], его наслаждение [Genuß] – в чувство его несчастья [Unglücks]. Тем самым действие и наслаждение теряют всякое *всеобщее содержание и значение* [allgemeinen Inhalt und Bedeutung] <...>» [118(173–174)].

³¹ «Но и с тем и с другим – с чувством его несчастья [Unglücks] и со скудостью [Ärmlichkeit] его действия – точно так же связывается сознание его единства с неизменным. Ибо попытки непосредственного уничтожения его действительно бытия *опосредствованы* [vermittelt] мыслью о неизменном и предпринимаются в этом *соотношении* [Beziehung]. *Опосредствованное* [mittelbare] соотношение составляет сущность негативного движения [Bewegung], в котором это сознание направляет против своей единичности, но которое, как *соотношение в себе* [Beziehung an sich], столь же положительно, и произведёт это *единство* сознания для него самого <...>. Это опосредствованное соотношение есть, таким образом, некоторое умозаключение [Schluß] <...>» [118(174)]. «Но на долю несущественного сознания остаётся ещё *предметная* сторона [gegenständliche Seite] поступка, а именно *плод* [Frucht] его труда и *потребление* [Genuß]. Их, стало быть, оно точно так же отталкивает [stößt] от себя и отказывается как от своей воли [Willen], так и от своей *действительности* [Wirklichkeit Verzicht] <...>, от достигнутой истины своей *самостоятельности* [Selbstständigkeit] <...>, от *внешней собственности* [äußerliches Eigentum] <...>, от полученного наслаждения [Genuß], опять-таки полностью лишая себя его в постах [Fasten] и в умерщвлении плоти [Kasteien] <...>. Отказ от себя оно могло подтвердить только этим *действительным* пожертвованием; <...>. Но в действительно совершённом пожертвовании [vollbrachten Aufopferung] его оставило *в себе* и его *несчастье* [Unglück], подобно тому как сознание сняло *действие* [Tun] как своё действие» [119(175–176)]. «Но *для* него самого [сознания] действие и его действительное действие остаётся скудным [ärmliches] действием, его наслаждение – скорбью [Schmerz], а снятость [Aufgehobensein] их в положительном значении [Bedeutung] – чем-то *потусторонним* [Jenseits]. Но в этом предмете [Gegenstände] <...> для него возникло представление *о разуме* [Vorstellung der Vernunft], о достоверности [Gewißheit] сознания, достоверности того, что в своей единичности оно есть абсолютно *в себе* [absolut an sich] или есть вся реальность [alle Realität zu sein]» [120(177)].

³² Несчастное сознание подводит итог первому действительно историческому этапу развития духа, отмечает собой момент растворения всеобщего в единичном, и единичного во всеобщем, объекта в Духе (см.: Kinlaw J., Epistemology // Baur M. (ed.) G. W. F. Hegel: Key Concepts. Routledge, 2015. P. 20, 27; Jenkins S. Self-Consciousness in the Phenomenology // Moyar D. (ed.) The Oxford Handbook of Hegel. Oxford University Press, 2017. P. 82, 100; Speight A. C., Religion, Art, and the Emergence of Absolute Spirit on the Phenomenology // Moyar D. (ed.) The Oxford Handbook of Hegel. Oxford University Press, 2017. P. 158; Moyar D. Absolute Knowledge and the Ethical Conclusion of the Phenomenology // Moyar D. (ed.) The Oxford Handbook of Hegel. Oxford University Press, 2017. P. 174; Singer P. Hegel: A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2001. P. 84, 105–108. Collins A. B. The Role of Religion in Hegel's Phenomenological Justification of Philosophical Science // Bykova M. K., Westphal K. R. (eds.) The Palgrave Hegel Handbook. Springer, 2020. P. 94, 105–107).

зования духа как в себе и для себя бытия, за которым следуют ступени духа [Der Geist], религии [Die Religion] и, наконец, абсолютного знания [Das absolute Wissen]. На этом прямое обращение Гегеля к понятию «несчастливого сознания» в рамках «Феноменологии духа» завершается.

Несмотря на то что данный фрагмент текста Гегеля проблематично интерпретировать однозначно, проведенной реконструкции достаточно, чтобы сформулировать важный в контексте настоящего исследования тезис. Согласно логике труда Гегеля, доступ к неизменному и его постижение требуют преодоления разорванности, а также возникновения разума. Поэтому субъекту «Феноменологии духа» несчастное сознание как таковое о неизменном практически ничего не сообщает.

Интерпретация «несчастливого сознания»

Жана Валя

Далее представлена интерпретация диалектики несчастного сознания, реконструкция которой представлена выше, в работе самого Валя. Свои задачи он видит:

1) в обосновании глубинного (психологического, мировоззренческого) *трагизма* Гегеля как философа;

2) описании важности *противоречия* для характеристики реальности в системе философии Гегеля;

3) демонстрации того, как личный трагизм Гегеля трансформировался в «несчастное сознание» *абсолютного духа*.

Следующая реконструкция главных положений книги Валя отражает то, как он решает данные задачи. *Во-первых*, согласно интерпретации Валя, Гегель проникся трагизмом романтиков, испытывал схожие чувства и задавался схожими вопросами³³ [Валь, 2006, с. 5–6, 25, 254, 301]. Анализируя иудаизм, христианство и тексты современников, Гегель обнаруживал всюду черты «несчастливого сознания», проблематика которого стала источником и лейтмотивом его ранних работ³⁴. Гегель в поисках средств для решения проблемы несчастного сознания в философии Канта, Фихте, Шеллинга, Шлейермахера, Якоби приближался к созданию собственной системы³⁵. Вместе с тем, в образе Иисуса он усмотрел

³³ «Отчасти именно рефлексия над христианским мышлением [pensée chrétienne], над представлением [l'idée] о Боге, создавшем человека, приводит Гегеля к концепции конкретного всеобщего [la conception de l'universel concret]. <...> [В] глубине его [Гегеля] философии имеется трагическое, романтическое, религиозное начало [élément tragique, romantique, religieux]. <...> [В] ся его философия имеет соответствующую окраску. У истоков этой доктрины, которая предстаёт как последовательная связь понятий, лежит разновидность мистической интуиции [intuition mystique] и пылкой страсти [chaleur affective]. <...> Гегель отталкивается не столько от интеллектуальных, сколько от моральных и религиозных проблем» [5–6(V)]. «Всякий раз Гегель глубоко переживает каждую из своих философий, истолкователем которых он в своей юности последовательно становится; <...>» [8(VII)]. Здесь и далее в круглых скобках приводится номер страницы «Несчастливого сознания в философии Гегеля» по следующему изданию на языке оригинала: [Wahl, 1951].

³⁴ Частным моментом сходства между философией Гегеля и романтизмом в проводимом Валем сравнении выступает приписывание духу Гегеля «тоски», «томления духа» [Sehnsucht] (см.: [Валь, 2006, с. 24, 89, 95, 103–104, 118, 179, 228, 236]).

³⁵ См.: [Валь, 2006, с. 16–17, 33–39, 109, 147, 155].

наиболее глубокое отображение «несчастливого сознания»³⁶. По мнению Валь, философия «несчастливого сознания» Гегеля – это совмещение философских и религиозных идей в «Феноменологии духа» как результате многолетних мировоззренческих поисков³⁷. «Размышление о несчастном сознании [réflexion sur le malheur de la conscience], порождённом произвольными разделениями и погоней за бесконечностью, позволило увидеть истинную бесконечность [véritable infini]» [Там же, с. 311].

Во-вторых, метод философии Гегеля Валь определяет как сочетание антитезиса и синтеза, а затем переносит смысловую нагрузку этих понятий, описывающих методологию Гегеля, в религиозно-философские концепты субъективности³⁸. Антитезису условно соответствует «несчастное сознание», а тезису – примирение³⁹. «Феноменология духа» оборачивается «мистерией разума» [mystère de la raison], повествованием о поиске примирения для несчастного сознания. Синтетический язык труда Гегеля, по мнению Валь, соединяет проблематику жизни и смерти, Бога и человека, несчастья и примирения в истории, оборачиваясь не только философским трактатом, но и мистическим, религиозным откровением о психологии «несчастливого сознания»⁴⁰. «Пантрагизм» становится способом связать религию, философию и историю⁴¹.

В-третьих, иррационализируя и антропологизируя диалектику Гегеля, Валь отождествляет «несчастное сознание» человека и Бога⁴². В то время как Гегель от-

³⁶ «<...> Иисус представляет собой несчастное сознание, первое несчастное сознание [conscience malheureuse, la première consciemment malheureuse, la plus essentielle], и <...> он несёт самый тяжёлый крест, не являющийся на самом деле его преходящим символом» [60(34)].

³⁷ См.: [Валь, 2006, с. 43, 46, 53, 58].

³⁸ «<...> [Д]ва метода смешиваются в его [Гегеля] уме, смешиваются и дополняют друг друга. С одной стороны, он движется от одной идеи к идее противоположной, от тезиса к антитезису; он мыслит противоположностями [par opposition]; <...>. Но с другой стороны, он движется от одного тезиса к тезису более полному, к синтезу. <...> Как раз благодаря смешению [fusion] этих двух методов [procédés] <...> Гегель и приходит к своей системе» [13–14(3–4)]. «Единство разума с реальностью [avec sa réalité] должно быть разорвано, говорил Гегель. Идеальный принцип должен придать себе форму всеобщности, реальный принцип должен быть установлен как индивидуальность, а природа – остаться распротёртой между ними как бездыханный труп» [72(42)]. «Мышление всегда является состоянием разделения, разрыва [malheur est toujours un état de division, de déchirure]» [75(44)] (см. также: [Валь, 2006, с. 95, 113, 148]).

³⁹ «Теперь понятно значение, которое приобретает идея несчастного сознания [idée de la conscience malheureuse]: с одной стороны, эта идея является подтверждением того факта, что от одного утверждения разум [l'esprit] движется к тому, которое противоречит предшествующему. <...> [С] другой стороны, это стадия, которую вечно должен побеждать разум [l'esprit], чтобы переходить к более счастливому сознанию. Принцип антитезиса необходим для восхождения к синтезу, а синтез и есть счастье; чтобы достичь этого счастья, необходимо пройти через несчастье. Обе идеи в другой форме соединяются в идее негативности» [22(8)].

⁴⁰ «Существует единство Бога-отца и человека-сына» [129(80)] (см. также: [Валь, 2006, с. 20, 24–26, 30–31, 63–64, 112, 159, 165, 170–171]).

⁴¹ «Цель философии – восстановить разорванное единство [rétablir l'unité déchirée]. Разделение [division] – это источник потребности в философии [besoin de philosopher]» [82(49)].

⁴² «На самом деле разум [raison] есть негативность [négativité]» [12(2)]. «<...> [Т]от всеобщий метод [façon], который Гегель рассматривает в *Феноменологии*, относится не к философии, а к способу существования, жизни [vivre]; или, скорее, философия и жизнь не отделяются друг от друга» [20(7)]. «Человек предстаёт как отрицающий сам себя; это движение негативности, которое совершается в нём и в природе, в конце концов, себя осознаёт» [72(42)]. «Момент несчастного сознания

казался от этого отождествления, а после «Феноменологии духа» снабдил свою систему псевдологическим каркасом. Гегель постарался скрыть следы трагического религиозного чувства, которое было ядром его философских поисков⁴³. По мнению Валь, «Феноменология духа» – это вершина философии Гегеля, потому что в ней конечный человеческий субъект следует к абсолютному духу-субъекту и обретает утешение: бесконечное стремление «несчастливого сознания» питается надеждой на полное принятие себя, своего несчастья и примирение с ним⁴⁴.

В результате, согласно интерпретации Валь, до того как стать философом и рационалистом, Гегель был теологом и романтиком⁴⁵. Центральным мотивом «Феноменологии духа» как апофеоза философии Гегеля является движение диалектики, само становление, которое протекает как в сознании человека, так и в сознании абсолюта⁴⁶. Опираясь на христианскую религиозную парадигму, Валь показывает, как Гегель соединил историю, религию и философию вместе с антропологизированным субъектом в центре своей системы⁴⁷. Это позволяет Валью экстраполировать проблематику абсолютной религии в связке с понятием «несчастливого сознания» Гегеля, чтобы на основании последнего создать собственный концепт⁴⁸. Он характеризуется как тотальность несчастья, как мистически-теологический процесс обретения религиозного смирения, без которого невозможно примирение «несчастливого сознания» с самим собой⁴⁹.

[conscience malheureuse] – это момент субъекта как субъекта [sujet comme sujet] <...> [110(67)]. «Субстанция есть субъект [substance est sujet]» [121(75)]. «<...> [Н]егативность – это несчастное сознание Бога [conscience malheureuse de Dieu], так как “чистая негативность” Бога существует, и она не может быть чем-то иным, нежели несчастным сознанием. Это абсолютное беспокойство, неравенство абсолютного духа, творца изменений [l'inquiétude absolue, l'inégalité de l'esprit absolu, créatrice de l'altérité]» [170–171(107)]. «Несчастное сознание – это разум в себе [en soi la raison] <...>» [176(110)].

⁴³ «Человек по имени Гегель разрушил свою систему в тот же самый миг, когда он её объяснил» [9(VII)].

⁴⁴ «По направлению к конкретному» [Vers le concret], название одной из работ Валь, о которой ещё будет сказано далее, на мой взгляд, удачно выражает философский смысл этого следования человеческого субъекта к абсолютному духу за утешением. Одно из ключевых положений философии Гегеля заключается в том, что абстрактное есть наиболее бедное, потому что в нём имеется лишь пустое абстрактное и нет конкретного богатства содержания (см., например: Гегель Г. В. Ф. Кто мыслит абстрактно? // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 388–394). Поэтому «Феноменологию духа» можно охарактеризовать как описание пути духа от абстрактного к конкретному. Как я постарался продемонстрировать в содержательном аргументе ниже, понимание этой пары категорий у Валь и Гегеля различно и составляет важный аспект понимания специфики философии Валь.

⁴⁵ «За философом мы обнаруживаем теолога, за рационалистом – романтика» [5(V)] (см. также: [Валь, 2006, с. 29]).

⁴⁶ «Мы всегда находимся перед лицом того, что Гегель называет игрой сил [jeu des forces], того, что можно было бы назвать непрестанной иронией [incessante ironie]» [11(1)] (см. также: [Валь, 2006, с. 22, 123, 178]). В философии Кьеркегора ирония также играет важную роль (см., например: Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 2022. С. 64, 145–146, 150).

⁴⁷ «На основе идеи опосредствования [médiation] логика и теология соединяются» [148(92)]. «Опосредствование устраняет [remédie] противоречие, которым страдает идея. Итак, несчастное сознание, в сущности, является опосредствованием; <...>. Логическое и теологическое опосредствование объединяются. <...> И теология будет логикой Бога [149(93)].

⁴⁸ «<...> [Н]ачало как философии, так и религии – это не столько удивление [étonnement], сколько неудовлетворённость [non-satisfaction] и разорванное сознание [conscience déchirée]» [21(8)].

⁴⁹ «<...> [Э]то несчастное сознание [conscience malheureuse] оказывается знаком глубинного неравновесия [déséquilibre profond], которое, несмотря на всю свою мимолётность, является не только

Место «несчастливого сознания» в философии Жана Валя

Далее я сформулирую два аргумента в пользу переосмысления философии Жана Валя. Первый аргумент связан с *понятийным* содержанием словосочетания «французское неогегельянство». На мой взгляд, доводов в пользу того, чтобы *не* считать это словосочетание самостоятельным историко-философским понятием, существенно больше, чем в пользу противоположной точки зрения.

Во-первых, введение понятия «французское неогегельянство» в монографии Кузнецова не сопровождалось анализом и аргументацией, а было скорее вспомогательным приёмом упрощения⁵⁰. *Во-вторых*, в зарубежных исследованиях это словосочетание встречается редко и не имеет понятийного статуса. В-третьих, характеристики, которые выделяются в качестве общих для представителей течения «французского неогегельянства», не составляют совокупность свойств и объектов (то есть философов, их идей и трудов), которые обеспечивают ему стабильное содержание (смысл) и объём⁵¹.

К философии Гегеля во Франции, в период между двумя мировыми войнами в особенности, обращались не только «французские неогегельянцы», но и многие

неуравновешенностью философа, не только неуравновешенностью человечества, но также и неравновесием всей вселенной, осознающей себя в человечестве, в философе. <...> Так, Гегель поднимает [élève] на уровень исторического описания, а затем на вершину метафизического принципа с одной стороны чувство болезненного разрыва [sentiment de la séparation douloureuse] и рефлексию над антитезисами, а с другой – потребность в гармонии [besoin d'harmonie] и идею понятия. <...> Главным понятием, отмечающим у него [Гегеля] выход апологетической теологии на сцену истории, которая сама является логикой, оказывается понятие несчастного сознания [conscience malheureuse] [7–8(VI)]. <...> [В]опрос о преобразовании несчастья в счастье [transformation du malheur en bonheur] – именно он является общим источником *Философии истории, Философии религии, Эстетики, Логики* [9(VII)]. <...> [В] определённом смысле гегелевская идея соединяется <...> с идеей мистической <...>» (16 [4]) (см. также: [Валь, 2006, с. 30, 75, 82, 125, 151, 171–172, 270–271, 285, 310]).

⁵⁰ В последующей литературе употребление термина «французское неогегельянство» можно охарактеризовать как неуверенное. См. Ванчугов В. В. Кожев // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2010. С. 265; Визгин В. П. Бердяев и Марсель в культурном контексте предвоенной Франции // Философские науки. 2018. № 1. С. 64; Вдовина И. С. Ипполит // Философы Франции: словарь. М., 2008. С. 130; Гайденок П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М., 2006. С. 297; Давыдов Ю. Н. Неогегельянство // Новая философская энциклопедия. М., 2010. Т. 3. С. 56; Курилович И. С. Интерпретации «опыта сознания» во французском неогегельянстве. Статья первая. Жан Валь и Александр Койре // Вестник РГГУ. 2014. № 10. С. 26, 34; Курилович И. С. Ипполит и Кьеркегор // Национальное своеобразие в философии: Материалы междунар. конф. М., 2014. С. 317; Кучерова А. О. Х. Арндт и русско-французское неогегельянство: А. Кожев / А. Койре // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 34; Мотрошилова Н. В. «Феноменология духа» // Новая философская энциклопедия. М., 2010. Т. 4. С. 180; Мотрошилова Н. В., Руткевич А. М. (ред.) История философии: Запад – Россия – Восток. М., 1999. Книга третья. С. 82; Мотрошилова Н. В., Руткевич А. М. (ред.) История философии: Запад – Россия – Восток. М., 2000. Книга четвёртая. С. 55–57; Руткевич А. М. Кожев // Современная западная философия. Энциклопедический словарь. М., 2009. С. 272; Ямпольская А. В. Неогегельянский след в работах Левинаса // Вестник РГГУ. 2011. № 15. Т. 2. С. 227.

⁵¹ Ср.: Barnett S. Introduction: Hegel before Derrida // Barnett S. (ed.) Hegel After Derrida. Routledge, 2001. P. 20; Roth M. Knowing and History. Appropriations of Hegel in Twentieth-Century France. Cornell University Press, 1988. P. ix-2; Baugh B. Hegel in Modern French Philosophy: The Unhappy consciousness // Laval théologique et philosophique. 1993. P. 423. См. также: Baugh B. French Hegel. From Surrealism to Postmodernism. Routledge, 2003. P. 7, 14, 17, 26; Sinnerbrink R. Understanding Hegelianism. Acumen Publishing, 2007. P. 125–126, 145–146; Geroulanos S. An Atheism that is not Humanist emerges in French Thought. Stanford, 2010. P. 7–8, 51–54, 67–68, 71.

другие философы, деятели культуры и искусства⁵². Представители «французского неогегельянства», на мой взгляд, предстают в большей степени как независимые «акторы», которые формировали общую сеть идей внутри французской философской среды. Обозначение их как «течения» мысли подразумевает сближение их идей и акцентуацию общих черт, что оправдывает себя в контексте соответствующих исследований⁵³. Однако этот подход следует *дополнить* более комплексной историко-философской перспективой. Примером таковой служит статья из Кембриджского словаря по философии. Философия Валя в ней рассматривается в разделе под названием «Феноменология, экзистенциализм, французская эпистемология [épistémologie]», а сам этот раздел помещается между разделом о позитивизме, неокантианстве и спиритуализме и разделом о структурализме и постструктурализме⁵⁴.

Обозначение философии Валя как части «французского неогегельянства» основывается на фрагментарной выборке материала для определения и формализации теоретических оснований такого обозначения⁵⁵. Называть философию Валя экзистенциализмом – значит вносить необоснованное упрощение, которое препятствует взвешенному осмыслению его идей.

⁵² Многие знакомились с идеями Гегеля благодаря семинарам Кожева. Например, основной теоретик сюрреализма А. Бретон, писатели Р. Кено и Б. Поплавский, а также более известные в философском контексте Ж. Батай, А. Гурвич, Ж. Лакан и М. Мерло-Понти. Но ещё до семинаров Кожева и как минимум одновременно с первыми работами о философии Гегеля за авторством Валя и Койре им занимались Ален (Эмиль Шартье) и Бенджамен Фондан (см.: Fondane B. *L'Esprit et le temps: La conscience malheureuse*. Cahiers du Sud, 1935; Fondane B. *La conscience malheureuse*. Paris, 1936; Alain. *Les saisons de l'esprit*. Gallimard, 1937).

⁵³ Главный пример – монография И. С. Куриловича, посвящённая «французскому неогегельянству как единому философскому течению» [Курилович, 2019, с. 7]. По мнению Куриловича, «Фиксация французского неогегельянства на трёх столпах [Валь, Ипполит и Кожев] вместе с его распространением до середины 70-х, вплоть до смешения с экзистенциализмом и неомарксизмом, искажает понимание данного явления в истории философии. Напротив, богатство французского неогегельянства открывается при обращении к нему как *течению* философской мысли, мозаично составленному из множества идей, высказанных преимущественно до Второй мировой войны и опубликованных в первое послевоенное десятилетие» [Там же, с. 16].

⁵⁴ См.: Moore T., Schrifft A. *French philosophy* // Audi R. (ed.) *The Cambridge dictionary of philosophy*. Cambridge University Press, 2019. P. 391–392. Следует отметить, что на портале Большой Российской энциклопедии недавно появилась статья, посвящённая Валу. Она представляет собой образец более взвешенного представления о философии Валя (см.: Курилович И. С. Валь Жан Андре (24 мая 2022). Общественный интерактивный энциклопедический портал «Знания». 2022. № 4. URL: <https://bigenc.ru/c/val-zhan-andre-5934c6> (дата обращения: 05.03.2023).

⁵⁵ Лишь одна из книг Валя, которая представляет собой собрание отдельных, но связанных между собой статей, посвящена непосредственно идеям Гегеля. Среди других его работ: исследования о философии Р. Декарта, Н. Гартмана и М. Хайдеггера, о Платоне и платонизме, работы по метафизике и экзистенциализму (см.: Wahl J. *Les Problèmes platoniciens*. Tournier et Constans, 1938; Wahl J. *Introduction à la pensée de Heidegger. Le livre de poche*, 1998; Wahl J. *La structure du monde réel d'après N. Hartmann*. CDU, 1953; Wahl J. *La pensée de l'existence*. Flammarion, 1951; Wahl J. *Traité de Métaphysique*. Payot, 1957 и др.). Также Валь, сам будучи поэтом, уделял поэзии место в своих философских работах и сотрудничал с сюрреалистами, а позднее – с Коллежем социологии Ж. Батая (см.: Жозе П. (пред., комм.) *Исследования сексуальности* (январь 1928-го – август 1932-го). Архивы сюрреализма. М., 2007. Т. 5. С. 225–227; Олье Д. (сост.) *Коллеж Социологии 1937–1939*. СПб., 2004. С. 84–85, 513–514; Wahl J. *Nietzsche et la mort de Dieu* (note sur le Nietzsche de Jaspers) // *Acéphale*. 1937. Janvier. P. 22–23; Wahl J. *La pensée de Heidegger et la poésie de Hölderlin*. CDU, 1952; Wahl J. *Essence et phénomènes. La Poésie comme source de philosophie*. CDU, 1958; Wahl J. *Poésie, pensée, perception*. Calmann-Lévy, 1948 и др.).

Понятийный аргумент в пользу трансформации представлений о философии Валя заключается в следующем: характеристики его философии, которые традиционно воспроизводятся в русскоязычной литературе, сужают фактические горизонты философской работы Валя и ведут к некорректной реконструкции его идей. Это влечёт за собой вероятность искажений в смежных историко-философских исследованиях: о философии Ипполита, Кожева и Койре, о французском гегелеведении и «французском неогегельянстве», о французской философии XX века. Валь как представитель «французского неогегельянства» и Валь-экзистенциалист ни в коем случае *не* являются заблуждениями, но философия Валя *не* ограничивается этими двумя обозначениями.

Для того чтобы сформулировать второй, *содержательный* аргумент, следует более детально рассмотреть деятельность Валя, выходящую за пределы его книги о «несчастном сознании». Это позволит поместить интерпретацию «Феноменологии духа» за авторством Валя в контекст его самостоятельных исследований.

Во-первых, важно учесть интеллектуальную биографию Валя. Как уже было отмечено, его диссертация была посвящена идеям У. Джеймса и А. Н. Уайтхеда, а одно из ключевых влияний на его философское становление оказал А. Бергсон⁵⁶. Общим для всех троих философов является интерес к разработке динамических представлений о реальности. Также идеи Джеймса и Уайтхеда привлекают внимание Валя в первых двух частях его книги «К конкретному»⁵⁷.

При этом для формулировки проблемы вышеназванного исследования Валь отталкивается от «Феноменологии духа»⁵⁸. Валь сближает Гегеля с Платоном, чтобы противопоставить им подход Бергсона, который, по мнению Валя, лучше описывает различие. В той же работе, сопоставляя философию Гегеля с философией Джеймса, Валь характеризует систему Гегеля как «недействительную» [caduc]. Величие Гегеля проявляется в том, что он описал неискоренимость различия. Это различие фигурирует у Гегеля в виде диалектики противоречий, которые представляются противоречиями только вне философии Гегеля. В результате подлинная реальность абсолютного духа объемлет и рассеивает различие в себе⁵⁹.

Во-вторых, интерпретация понятия «несчастливого сознания» не ограничивается трагической религиозностью в духе Кьеркегора, но является также этапом собственных философских поисков Валя. Свои «Кьеркегорианские исследования» Валь вновь строит на контрасте с системой Гегеля. Кьеркегор обязан Геге-

⁵⁶ Вторая из работ, которые были предоставлены Валем для соискания степени агреже, представляла собой исследование о Декарте. Примечательно, что Валь посвятил её Бергсону (см.: Wahl J. Du rôle de l'idée d'instant dans la philosophie de Descartes. Alcan, 1920).

⁵⁷ См.: [Wahl, 1932, p. 27–221].

⁵⁸ «В начале “Феноменологии” Гегеля мы читаем, что то, что выдаётся за частное [particulier] и конкретное [concret], на самом деле является самым абстрактным и самым общим, что то, чему эмпирик и реалист приписывают наибольшую полноту [richesse], на самом деле является самым скудным [pauvre] среди того, что наличествует в мире. <...> Должны ли мы вслед за Гегелем признать, следовательно, что язык раскрывает [révèle] нереальность конкретного, что устремлённости [intention] к конкретному не суждено осуществиться [réalisée]?» [Wahl, 1932, p. 1].

⁵⁹ Ср.: «В событиях [faits] и в характерной для них упрямой реальности есть нечто неодолимое [invincible] для мысли; и это то, что заметил Джеймс: и это то, чем Гегель намеренно [volontairement] пренебрёг в начале *Феноменологии*, и что делает всю его систему недействительной [caduc]» [Wahl, 1932, p. 134].

лю средствами для описания своего способа преодоления романтической субъективности «Феноменологии духа». Но сама система Гегеля поглощает личность посредством культуры или государства⁶⁰. По мнению Валь, заслуга Гегеля заключается в том, что он показал противоречивость бытия и мышления, реальности и конкретности. Но его «промах» в том, что он утверждал разрешение этой противоречивости.

В-третьих, «Феноменология духа» Гегеля для философии Валь – это не только описание противоречий религиозного сознания, но также работа по метафизике опыта⁶¹. Гегель спекулятивно сводит формы опыта к *единству* понятия⁶². В то время как Валь интерпретирует опыт как принципиально *несводимую* к какому-либо метафизическому единству реальность. Он подчёркивает, что в статике и событие, и субъект не схвачены во всей полноте. По мнению Валь, реальность вернее представить как движение сознания в «Феноменологии духа», чем как монолитную «Науку логики»⁶³. Гегель описал становление, однако «запер» его в понятии.

Итак, после книги о «несчастном сознании» Валь не возвращался к работе с «Феноменологией духа». Но философия Гегеля повлияла на его последующие труды. Дистанцируясь от религиозного трагизма, Валь более ясно выражал свою философскую позицию.

⁶⁰ «<...> [Г]егельянство послужило Кьеркегору в деле преодоления романтически чрезмерной субъективности [l'exageration romantique de la subjectivité]. Гегель смог противопоставить всеобщее [general] и романтическую индивидуальность. Но Кьеркегор преодолевает иронию и торжествует над ней [combat l'ironie et triomphe d'elle] не только лишь в качестве последователя Гегеля; он выступает уже как адепт своих собственных убеждений [croyanances]; <...>» [Wahl, 1938, p. 63]. «Гегель и Гёте <...> хотели возродить [restaurer] классицизм, вновь поместив [replaçant] индивида в тотальность, культуру или государство» [Ibid., p. 87].

⁶¹ «Мы видим столкновение мысли с реальным [réel] в её стремлении [effort] к идеализации, и столкновение мысли с частным [particulier] в её стремлении к обобщению. Реальность [réalité] и частность [particularité] образуют единство, для мысли они составляют единое препятствие, единственное и неповторимое, так же как стремление к идеализации и к обобщению есть единое стремление. Но именно в столкновении с этим препятствием мысль вновь обретает свои силы; именно в этой мимолётной гибели [mort momentanée] она обретает жизненность [vivante]. Диалектика, какой нам следовало бы её представлять, не была бы диалектикой гегельянской; <...>» [Wahl, 1932, p. 23]. «<...> [Р]ефлексия Гегеля над страданием [souffrance] и его рефлексия над разумом [esprit] совпадают. Разум заключается в том, что производит различие, с которым он примиряется, религия состоит в том, что производит страдание [douleur], с которым она примиряется. Это возможность бесконечного успокоения [apaisement infini] после бесконечной противоположности [opposition infini] – такова религия, таков разум для Гегеля» [Валь, 2006, с. 126(78)].

⁶² «<...> Гегель не довольствуется ни различными формами опыта Фихте, где ему виделось выражение дурной бесконечности [faux infini], ни формами опыта Шеллинга, которые не ведут никуда, кроме неопределённости [l'indetermine] <...>, где исчезают все различия» [Wahl, 1965, p. 36]. См. также «Философии становления [devenir], которой является философия Фихте, Гегель противопоставляет философию бытия [être]; но если эта философия Фихте есть философия становления, то она является лишь философией становления застывших крайностей [termes figés]; противоположность, на которую мы только что указали, скрывает, следовательно, в себе другую, и мы можем сказать совершенно обратное тому, что мы только что утверждали; философии «производного» бытия [comme produit] Фихте Гегель противопоставляет философию становления» [Валь, 2006, с. 293(181)].

⁶³ «Абстрактное – это синоним несчастья [malheur]; конкретное всеобщее [l'universel concret] будет для разума [esprit] радостью» [Валь, 2006, с. 183(115)].

В ряде других работ Валя Гегель выступает в качестве носителя той философской позиции, которую Валь считает необходимым подвергнуть критике. Если для Гегеля уловить различные формы опыта – значит найти для них *единый* язык, то, с точки зрения Валя, единый язык различия наоборот *стирает*. В таком свете «несчастное сознание» в интерпретации Валя обретает особую смысловую нагрузку.

С одной стороны, книга Валя о «несчастном сознании» своим рефреном имеет тотальность несчастья, абсолютный трагизм. Не весь текст книги Валя посвящён религиозному измерению «несчастного сознания» в силу того, что в определённый момент сознание перестаёт быть в полной мере религиозным и переживает секуляризацию Просвещением. Но сознание от этого не перестаёт быть несчастным, а главное – это несчастье неизменно связано с религиозным чувством⁶⁴.

С другой стороны, многие работы Валя свидетельствуют в пользу того, что проблематика, которая интересует его как в книге о Гегеле, так и в других, сохраняется и без указания на религию. В таком случае его интерпретация «Феноменологии духа» становится проблематичной как минимум в двух отношениях, которые предполагают отдельное к ним обращение и поэтому здесь будут лишь обозначены. *Первое*: если в своих прочих работах Валь пишет об опыте *в целом* так же, как в книге о «несчастном сознании» он пишет об опыте преимущественно *религиозном*, то возникает вопрос о месте религии в философии Валя. В сущности, это вопрос о развитии идей Валя, который невозможно решать без обращения ко всему корпусу его работ. *Второе*: становится проблематичным *трагизм* его интерпретации «Феноменологии духа». Если в «несчастном сознании» трагизм взаимосвязан с религией, то каким образом эта взаимосвязь раскрывается в работах, которые посвящены не столько теологически-психологической реконструкции мысли Гегеля, сколько самостоятельному исследованию Вальем опыта как динамического метафизического процесса? Иными словами, в какой мере «несчастье» Гегеля является «несчастьем» Валя? И в какой мере «несчастье» Валя обуславливает его собственную философию в сравнении с тем, как, согласно интерпретации Валя, «несчастье» Гегеля обуславливает философию самого Гегеля?

В результате *содержательный* аргумент в пользу уточнения актуального восприятия философии Валя заключается в следующем: книга Валя о «несчастном сознании» выделяется на фоне прочих его работ первичностью религиозно-трагической тематики. Это делает его интерпретацию «Феноменологии духа» не просто трансформацией «панлогизма» в «пантрагизм», который можно отнести по преимуществу на влияние Кьеркегора, но позволяет вновь проблематизировать её в качестве одного из источников влияния на последующие способы работы с наследием Гегеля в рамках «французского неогегельянства» и вне его.

Валь в своей философии придерживается плюралистической критики монизма и разрабатывает собственный проект «метафизического эмпиризма»

⁶⁴ «Просвещение не осознаёт своего несчастья, но благодаря самой этой неосознанности оно, в сущности, несчастно» [Валь, 2006, с. 88(53)]. «Кантианство и иудаизм тождественны, с тем единственным различием, что господин является внешним в одном случае и внутренним – в другом. Кантовская вещь в себе остаётся такой же потусторонней, как и Бог евреев» [Там же, с. 91(54–55)]. «Как и религиозное сознание, нравственное сознание является несчастным [malheur]. <...> [Н]равственность [moralité] – это разделение в себе» [Там же, с. 100(60–61)].

в противовес экзистенциализму Сартра. В этом отношении ключевым аспектом влияния идей Кьеркегора на интерпретацию «Феноменологии духа» Валя является отстаивание несводимости противоречий. У Кьеркегора эта мысль предстаёт в религиозном контексте, выводит на передний план человеческого субъекта и служит источником развития экзистенциализма. На основании проведённого исследования и подводя черту под всем вышесказанным, следует подчеркнуть обоснованность и актуальность изучения работ Валя. Прежде всего, это задачи реконструкции его философского развития, выявления мотивов создания интерпретации «Феноменологии духа», места «метафизического эмпиризма» Валя во французской философии XX века и возможного влияния Валя на мысль Делёза, Деррида и других философов, пришедших на смену поколению «французских неогегельянцев». Прояснение роли Валя в становлении экзистенциализма во Франции также может представлять ценность для истории философии⁶⁵.

Заключение

Актуальные для русскоязычной среды представления о философии Жана Валя нуждаются в обновлении и уточнении. Обоснованием этого тезиса служат понятийный и содержательный аргументы.

Понятийный аргумент. Традиционно философию Валя характеризуют как часть «французского неогегельянства» и экзистенциализма. Данные обозначения отнюдь не являются ложными, однако сужают горизонты философской работы Валя. Следствием этого становится неполнота историко-философской реконструкции его идей, которая, в свою очередь, влечёт за собой искажение соответствующих сюжетов истории философии: «французского неогегельянства», идей Ипполита, Койре и Кожева. Актуальный образ философии Валя, который закрепился в русскоязычных монографиях о «французском неогегельянстве» и соответствующей литературе, следует дополнить более комплексным подходом. В его основе – обращение к трудам Валя, выходящим за рамки его интерпретации «Феноменологии духа» Гегеля.

Содержательный аргумент. На фоне предшествующих и последующих работ Валя его книга о «несчастном сознании» обретает смысл не только в связи с французской рецепцией философии Гегеля, ключевыми моментами которой в XX веке считаются семинары Кожева и перевод «Феноменологии духа» на французский язык Ипполитом. Книга Валя, которая демонстрирует новый для французской философии, субъективистски-иррациональный подход к идеям Гегеля, вместе с тем органично встраивается в его собственные исследования. В них Валь присутствует осуществлённую Гегелем акцентуацию противоречий, но критикует его

⁶⁵ См.: Ford R. Against Negativity: Deleuze, Wahl, and Postwar Phenomenology // Symposium. 2016. № 1. P. 107–128; Kremer-Marietti A. Jean Wahl the Precursor: Kierkegaard and Existentialism // Analecta Husserliana. 2009. Vol. CIII. P. 23–30; Kremer-Marietti A. Jean Wahl and the Renewal of Metaphysics // Analecta Husserliana. 2010. Vol. CV. P. 97–110; Moore I. A., Schrift A. D. Existence, Experience, and Transcendence. An Introduction to Jean Wahl // Wahl J., Transcendence and the Concrete; Selected Writings. Fordham University Press, 2017. P. 1–31; Sanchez A. C., Sanchez A. P. Jean Wahl: Philosophies of Existence and the Introduction of Kierkegaard in the Non-Germanic World // Kierkegaard Research. 2016. Vol. 9. P. 393–414; Silva F. Whitehead's French Readers // Das Questões. 2019. №. 1. P. 31–40.

систему за ригидность. В то же время историко-философская реконструкция интерпретации «Феноменологии духа» за авторством Валя в контексте его прочих трудов позволяет увидеть религиозно-трагический концепт «несчастья сознания» в новом свете⁶⁶.

В частности, возникает вопрос о месте религии в философии Валя, а соотношение религиозности и трагизма, которое является центральным сюжетом его интерпретации «Феноменологии духа», оказывается проблематичным. Субъективизм, иррационализм, антропологизация интерпретаций философии Гегеля, свойственные в той или иной степени представителям «французского неогегельянства», были чертами, характеризующими подход Валя к идеям Гегеля. Это делает Валя одним из инициаторов специфического способа работы с наследием Гегеля. Специфика данного способа заключается в сближении «Феноменологии духа» с идеями из феноменологии и экзистенциализма, как французских их представителей, так и немецких авторов первичных текстов данных направлений, Гуссерля и Хайдеггера в особенности. Это делает задачу корректной реконструкции интерпретации «Феноменологии духа» за авторством Валя в контексте его предыдущих и последующих работ значимой для истории философии XX века.

Список литературы

- Валь Ж.** Несчастное сознание в философии Гегеля / Пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2006. 333 с.
- Гегель Г. В. Ф.** Феноменология духа / Пер. с нем. Г. Г. Шпет. М.: Наука, 2000. 495 с.
- Кузнецов В. Н.** Французское неогегельянство. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 200 с.
- Курилович И. С.** Французское неогегельянство: Ж. Валь, А. Койре, А. Кожев и Ж. Ипполит в поисках единой феноменологии Гегеля – Гуссерля – Хайдеггера. М.: РГГУ, 2019. 224 с.
- Hegel G. W. F.** *Phänomenologie des Geistes // Werke: in 20 Bd. Bd. 3.* Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1989. 592 S.
- Wahl J.** *Vers le concret. Études d'histoire de la philosophie contemporaine.* Paris: Vrin, 1932. 275 p.
- Wahl J.** *Études Kierkegardiennes.* Paris: Aubier, 1938. 762 p.
- Wahl J.** *Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel.* Paris: PUF, 1951. 231 p.
- Wahl J.** *L'Expérience métaphysique.* Paris: Flammarion, 1965. 237 p.

⁶⁶ В оригинале название книги Валя звучит как «Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel». На русский язык оно наиболее точно переводится как «Несчастье сознания в философии Гегеля». Однако и Э. Л. Радлов, и Г. Г. Шпет в своих переводах «Феноменологии духа» передали «das unglückliche Bewußtsein» как «несчастное сознание». По всей видимости, по этой причине на русский язык название книги Валя В. Ю. Быстров передал в соответствии с закреплённым в русскоязычной рецепции переводом этого понятия. В оригинальном тексте Валя встречаются различные варианты, а само «несчастье» нередко сменяется синонимами. Вопрос о соотношении и степени преемственности терминологии философии Гегеля и терминологии книги Валя о «несчастном сознании» требует отдельного рассмотрения (см. также: [Курилович, 2019, с. 76]).

References

- Hegel G. W. F.** Phänomenologie des Geistes // Werke: in 20 Bd. Bd. 3. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1989. 592 S.
- Hegel G. W. F.** The Phenomenology of Spirit. Moscow: Nauka, 2000. 495 p. (in Russian)
- Kurilovich I. S.** French Neo-Hegelianism: J. Wahl, A. Коурй, A. Којиве and J. Нурро-лите in the Search of the Unified Phenomenology of Hegel–Husserl–Heidegger. M.: RGGU, 2019. 224 p. (in Russian)
- Kuznetsov V. N.** French Neo-Hegelianism. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1982. 200 p. (in Russian)
- Wahl J.** Vers le concret. Études d'histoire de la philosophie contemporaine. Paris: Vrin, 1932. 275 p.
- Wahl J.** Études Kierkegardiennes. Paris: Aubier, 1938. 762 p.
- Wahl J.** Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel. Paris: PUF, 1951. 231 p.
- Wahl J.** L'Expérience métaphysique. Paris: Flammarion, 1965. 237 p.
- Wahl J.** The Unhappy Consciousness in the Philosophy of Hegel. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2006. 333 p. (in Russian)

Информация об авторе

Олег Александрович Лунев-Коробский, аспирант,
младший научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского от-
деления Российской академии наук

Information about the Author

Oleg A. Lunev-Korobskii, postgraduate student,
junior researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences

*Статья поступила в редколлегию 11.05.2023;
одобрена после рецензирования 16.05.2023; принята к публикации 30.05.2023*

The article was submitted 11.05.2023;

approved after reviewing 16.05.2023; accepted for publication 30.05.2023